

Исти любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

| М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

А ЮБЛЮ, УБЬЮ, УМРУ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Оформление серии *С. Власова*

Ранее книга называлась
«Серебряные слезы»

Трoнина, Татьяна Михайловна.

Т73 Люблю, убью, умру : [роман] / Татьяна Трoнина. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-104370-4

Без прошлого нет будущего. Лиза пытается разгадать тайну, связанную с ее рождением. Одновременно у нее завязывается роман с Сашей, ресторанным певцом. Неожиданно появляется третий — удачливый бизнесмен Денис, который вдруг решает предъявить свои права на Лизу, посвятившую ему когда-то пять лет жизни. Он понимает, что только с этой женщиной чувствует себя мужчиной... Тайна рождения Лизы уходит корнями в далекое прошлое — когда-то, во времена Серебряного века, разыгралась совсем другая драма. Любовь не умирает, и призрак того чувства не дает покоя ныне живущим. А Денис готов на все, чтобы Лиза принадлежала только ему. Даже на преступление...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трoнина Т., 2019
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104370-4

Как сладко, все простив друг другу,
Без злого пламени в крови,
Глухую ночью слушать вьюгу —
Все ту же сказку о любви.
О нет, не к тем сгоревшим негам!
Но ласку грустную пролей,
Дохнувши розами над снегом
Моих последних февралей...

С. М. Соловьев

— Хотите, я на вас женюсь?

Его огромные, молочно-голубые, абсолютно непроницаемые глаза смотрели на меня, не мигая.

— Зачем? — вздохнула я.

— Затем, что любая женщина мечтает выйти замуж. Даже при нынешней эмансипации...

— К вашему сведению, Ковальчук, мне вчера сделали два подобных предложения. А уж что было неделю назад — я молчу... Целая очередь ко мне стояла.

— Они все несерьезно говорили, а я серьезно! Ей-богу, вы мне очень нравитесь. Я еще на первом курсе на вас глаз положил, — понизив голос, доверительно сообщил он. — Когда у вас другая прическа была.

— Польщена, весьма польщена...

— Да и разница в годах у нас весьма небольшая, да? — Он с любопытством приподнял брови.

Вопрос о возрасте мне не понравился, и я решила прекратить глупый разговор.

— Все вам расскажи... Хватит! Это ужасно — почему девицы во время сессии надевают мини, когда экзамен

принимает мужчина, а молодые люди предлагают преподавателю, если она женского пола, руку и сердце?

— А чего вы хотите? — заерзал Ковальчук. — Можно и без штампа в паспорте...

Я хотела разозлиться на него, но не смогла — в конце июня в городе стояла настоящая тропическая жара.

— Я на вас докладную ректору напишу, — сказала я. — Что-то я не уверена в том, что вам нравлюсь, — у вас только пять посещений за целый семестр. Могли бы и почаще на меня любоваться. Я, вообще-то, хотела бы, чтобы мой супруг знал предмет, который я преподаю, — литературу конца девятнадцатого и начала двадцатого века. А вы футуристов перепутали с символистами, про реалистов данного периода ни слова не сказали, у Блока только поэму «Двенадцать» читали, Ахматову с Цветаевой явно не различаете...

Ковальчук моргнул — кажется, в первый раз.

— Ясно... — Он сграбастал свою зачетку и уныло побрел к выходу.

Я тоже собралась домой, но в институтском скверике, где по аллеям метался тополиный пух, столкнулась с Аглаей. Аглае было тридцать пять лет, и она преподавала в нашем Филологическом институте грамматику. Мы с ней почти дружили.

— Лизонька! — вскрикнула она. — Тебя Викентий Петрович искал!

Викентием Петровичем звали ректора нашего института.

У Аглаи нос и глаза были красными из-за пуха, она то и дело поправляла очки.

— Ты уходишь? — спросила я.

— Да. Господи, Лиза, какая ты счастливая — сейчас придешь к себе домой, ляжешь на диван... А я, как жучка, сначала по магазинам буду бегать, потом стоять у плиты.

Если еще Леонид Иванович не в духе придет... Слава богу, что Зинка у бабушки до конца лета! Ей двенадцать, гормоны играют, никого не желает слушать...

— Господи, Аглая, как я тебе завидую, — перебила я ее решительно, — у тебя муж, ребенок, ты не одна, тебя любят... А мне двадцать девять — не так уж много ты меня и старше, — и ни одной родной души рядом. И напрочь отсутствуют всякие гормоны. Сейчас один балбес на экзамене нес страшную пургу, а я даже не могла на него разозлиться. Хотела, но не могла! Кстати, я ко всем своим прочим бедам еще и сирота. У меня нет ни отца, ни матери. Отца я вообще ни разу в жизни не видела, у меня от него только фамилия осталась. Так что еще вопрос, кто из нас счастливее!

Очки у Аглаи быстро сползли до кончика носа, и она задвинула пальцем их обратно, на переносицу. Она почувствовала угрызения совести.

— Ты что в отпуске будешь делать? — спросила я, чтобы окончательно растравить свои раны.

— Что? Поедем в Тверь, к родственникам Леонида Ивановича — у них там дивный сад.

— Дивный сад... — вздохнула я. Мне в отпуске ничего не светило. Я точно знала, как я его проведу, — в городе, за компьютером, наедине со своей научной работой под названием «Образ ангела в символике русской литературы Серебряного века». Самым интересным моим времяпрепровождением будут походы в библиотеку для чтения монографий и подлинников...

— Запомни, сад — не мой, — возразила Аглая, с любопытством глядя на меня — вероятно, по моему лицу читались мысли. — Никакой романтики не будет — ни поцелуев под яблоней, ни вечерних прогулок рука об руку, ни чтения Бориса Пастернака под луной... Леонид Иванович —

страшный зануда, и, как ты знаешь, мы уже четырнадцать лет в браке. А вот у тебя мог бы быть собственный сад, если бы ты тогда...

— Ах, не вспоминай... — махнула я рукой.

— Нет, буду вспоминать! — сурово произнесла Аглая, поправляя непослушные очки. — Ты дурочка. Я, конечно, тоже дурочка, но ты еще более дурочка, чем я. Он был вполне обеспечен, он дарил тебе подарки, предлагал руку и сердце...

— Господи, кто только мне этого не предлагал...

— Нет, я о серьезных предложениях! Он любил тебя.

— Да, а потом заявил, что во мне нет огня.

— Ну, ты тоже ему много чего лестного наговорила... Я, конечно, не психоаналитик, но вы вполне могли бы помириться. Целых пять лет вы прожили вместе!

— Мне никто не нужен, — насупилась я.

— Я и вижу, — сердито произнесла Аглая. — Во что ты превратилась? За один год ты сделала из себя такое страшилище, что ни один нормальный мужчина...

— Ты ничего не понимаешь! Это называется сменой имиджа. У тебя просто устарелый вкус, тебе нравятся барышни с конфетных коробок, кукольные личики... Ты сто лет ходишь с дурацким бантом и думаешь, что он выглядит мило и оригинально...

— Не трогай мой любимый бант! — вспыхнула Аглая.

В самом деле, я уже не могла представить ее без этого черного капронового банта, который огромным увядшим цветком вот уже много лет болтался у нее на затылке. Когда-то, когда Леонид Иванович был еще студентом строительного института, он сказал юной Аглаше, что ей очень идет бант и что в профиль она похожа на древнегреческую

камею. Похоже, Аглая решила не снимать бант до самой смерти. Интересно, а спать она тоже ложится с ним?

— Ладно, не буду... Вон твой троллейбус. — Я принципиально не любила ссориться. «Рыбья кровь», — как-то сказали обо мне. Именно тот человек, в чьем саду я могла сейчас гулять...

— Ладно, до завтра... — Аглая тоже не любила выяснять отношения. — И не забудь зайти к Викентию!

Раньше у меня были длинные, почти до пояса, волосы, крашенные в яркий тициановский цвет, или попросту рыжий, брови я немилосердно чернила, а для губ использовала оранжевую помаду. «Какая эффектная девушка», — говорили мне раньше.

Яркие краски надоели. Пусть будет гармония и внешнее сравняется с внутренним. Я коротко подстриглась, перестала красить волосы — и скоро они приобрели мой естественный белесый оттенок. Никаких черных бровей — теперь, без карандаша, они были почти незаметны. Лишь немного светло-коричневой туши на ресницах, чтобы совсем не превратиться в бледный призрак. Губы — что-то бежевое, естественное... В общем, я стала самой собой, и это обратное превращение из бабочки в куколку мне даже нравилось...

Только почему-то целый год я была одна?.. Но разве мне это тоже не нравилось?

— Заходите, детка, — стальным голосом произнес Викентий. Он со всеми говорил стальным голосом — с тех пор, как стал ректором и ему пришлось разбираться с разгильдяями-студентами и интригами преподавателей, всяких там доцентов и профессоров. — Сегодня двадцать седьмое, как дела?

— Спасибо, Викентий Петрович, хорошо, — примерным голосом ответила я. — Все мои студенты сдали экзамен, да-

же Ковальчук поднапрягся и сегодня утром пришел вполне подготовленным...

— Вы слишком добрая, Елизавета Аркадьевна, — впечатал Викентий. — У Ковальчука три «хвоста» по другим предметам... Если к зиме не исправится — отчислю его за академическую неуспеваемость. Надоел он мне. Занимает чужое место в общежитии.

Солнце светило в кабинет, в его лучах клубилась золотая пыль. «Это все тополиный пух, — подумала я. — От него нельзя избавиться...»

— Я вот почему вас вызвал, Елизавета Аркадьевна... — вспомнил Викентий, нахмутив седые, цвета стали, брови. — Как там ваша работа продвигается?

Я была по возрасту самым младшим преподавателем, поэтому он считал, что меня надо опекать.

— Все в порядке, — кивнула я, — пока никаких сложностей. Сессия закончилась — буду ездить в библиотеку.

— Отдохните хотя бы недели две — в августе нам еще вступительные принимать. Очень большой конкурс в этом году. Народ понял, что юристов и бухгалтеров слишком много развелось, и кинулся изучать гуманитарные науки.

Из нашего института выходили журналисты, критики, сценаристы, филологи, учителя, было даже несколько известных писателей. Очень много выпускников работало на телевидении и радио. Слава иногда стоит дороже денег.

— Как вы собираетесь раскрывать тему?

— Ой, по ней столько материала... Ангел как символ смерти, символ божественного миропорядка, символ любви...

— Я вас умоляю, только не делайте из своей работы беллетристику!

— Я не собираюсь... — испугалась я. Если сейчас Ви-

кентий примется за критику, то мне до вечера отсюда не выйти!

— Каких авторов предполагаете использовать?

Я принялась перечислять.

— А Брюсова? — вдруг перебил он меня, сверкая хищным стальным взглядом.

— Его в первую очередь! Господи, братья за такую тему и забыть про «Огненного ангела» Брюсова...

Викентий важно произнес:

— Есть еще один автор — Андрей Калугин. Он написал роман «Бледный ангел». Обязательно упомяните о Калугине...

— Викентий Петрович — вам звонят из мэрии! — без стука влетела в кабинет секретарша. — Я соединяю...

— Да-да, конечно... — Начальство сразу же потеряло ко мне всякий интерес. — Идите, Елизавета Аркадьевна, мы после все обсудим. Идите, мой бледный ангел...

Выходя от Викентия, я заглянула в большое зеркало, которое висело у него в предбаннике. «Бледная — это верно, — отметила я. — Но до ангела мне еще очень далеко».

Лето мое прошло так, как я и предполагала. Тихие библиотечные залы, запах книг, шепот скупающих библиотечкарьш за стойкой, скрип выдвигаемых и задвигаемых ящичков в отделе каталогов...

В августе начались вступительные экзамены в наш институт, и я заседала в приемной комиссии. Викентий бегал злой, замученный и еще более стальной, чем раньше, потому что комиссию завалили апелляциями и надо было противостоять двоечникам. Абитуриентов и в самом деле было очень много.

Но в десятых числах стало немного легче, и он подошел ко мне.

— Помните наш последний разговор? — спросил он.
— Какой? Это когда вы посылали меня к нашему юристу?
— Да ну вас, Елизавета Аркадьевна... Когда мы говорили о научной работе, которую вы пишете!

— Ах, тогда...

— Вот-вот, — удовлетворенно кивнул он. — Мы говорили о Калугине и его романе «Бледный ангел». Предлагаю съездить по одному адресу. Вы что-нибудь знаете о самом авторе?

— Ничегошеньки. Умер в тридцатых или сороковых годах двадцатого века — больше никаких биографических сведений.

— Детка, я вам рекомендую немного покопаться в прошлом. Вам это будет интересно и полезно, потому что о прочих авторах уже писано-переписано и надобно нечто новенькое. Небольшое открытие...

— Да? А сами вы этим не хотите заняться?

— Нет времени, — блеснул стальным взором мой босс. — И потом... особых сенсаций я вам не обещаю. Просто говорю — будет интересно...

А я-то, наивная, поверила, будто он может поделиться со мной чем-то ценным!

— Так вот... В ближнем Подмоскowie, минутах в тридцати на электричке от трех вокзалов, в собственном домике доживает свой век внучка Калугина. Презанятная старушка... У нее могут храниться какие-нибудь архивы.

...Ехать действительно пришлось недолго, и вот я сошла с электрички на одной из маленьких станций. Внучка Калугина, как выяснилось, жила на самой окраине. Здесь стояли одноэтажные деревянные домики, обнесенные заборами, за которыми раздраженно лаяли собаки, узкие тропинки вилились вдоль Яузы, уводя меня в высокие камыши... Я едва не

заблудилась, но потом каким-то непостижимым образом сумела выбраться на нужную улицу. Вернее — улочку...

Солнце уже начинало клониться к горизонту. Надо было поспешить, я слишком много времени потратила на поиски нужного направления.

Никого на дороге не было, лишь, немилосердно пыля на разбитом асфальте, изредка проезжали мимо машины. Вдоль тротуара (если можно так назвать узкую песчаную тропинку, проложенную вдоль бесконечных зеленых заборов) росли яблони, и иногда мне под ноги падали скукоженные мелкие плоды с темными бочками.

«Вот и лето прошло», — машинально подумала я. Еще одно лето в моей жизни. Что ждет меня дальше? Скорее всего, ничего. Череда пустых скучных дней, заполненных только работой. «Которую я очень люблю», — сурово одернула я себя.

Но вот и он, наконец, — номер восемнадцать, небрежно нарисованные масляной краской две цифры.

Я поискала звонок у калитки, но ничего такого не обнаружила. И вообще, калитка оказалась открытой, стоило только слегка толкнуть ее ладонью. Я вошла в сад, заросший и неухоженный, и по тропинке пошла к дому, вглядываясь вперед сквозь кусты давно отцветших сирени и жасмина.

Дом был старый, двухэтажный, с большой верандой и столом, на котором кипел электрический самовар. Клубы пара, поднимавшиеся над самоваром, сразу же успокоили меня — значит, место обитаемо.

— Есть кто-нибудь? — решительно воскликнула я.

Дрогнула кружевная, кипенно-белая занавеска на окне, через несколько мгновений распахнулась дверь, и я увидела перед собой пожилую женщину в цветастом темном пла-

тье с отложным белым воротником, как у школьницы прошлых времен, и заколотой на затылке седой косой. «Она», — подумала я и заговорила, чувствуя прилив вдохновения:

— Добрый вечер. Меня зовут Елизавета Аркадьевна Си-
ницына.

— Чем могу служить? — тихо прошелестела старушка.

— Вы Нина Ивановна Крымова, внучка Андрея Калуги-
на? Я, собственно, приехала к вам как к внучке этого писа-
теля, поскольку занимаюсь сейчас исследованием, посвя-
щенным русской литературе начала века... — принялась я
подробно ей объяснять, кто я и что мне надо. Но старушка
неожиданно быстро поняла меня, словно к ней чуть ли не
каждый день являлись с визитами литературоведы и фило-
логи.

— Да, я Нина Ивановна, внучка того самого писате-
ля, — спокойно кивнула она. — Что ж, проходите. Не хоти-
те ли чаю? Я как раз собиралась пить чай с вареньем. Вы
какое больше любите?

— Вишневое, — сказала я, вдруг почувствовав себя
почти как дома.

Мы расположились на веранде — самовар как раз вски-
пел, и я стала рассказывать Нине Ивановне о себе — чем
занимаюсь, откуда у меня ее адрес... Она слушала меня
благосклонно, кивала головой, потом сказала, что хорошо
знает Викентия Петровича, поскольку племянница одного
живет за соседним забором. Словом, мы очень быстро рас-
положились друг к другу. Варенье было выше всяких похвал.

— Я долго ждала, что кто-нибудь придет насчет насле-
дия моего покойного дедушки, — сказала Нина Иванов-
на. — В самом деле, что мне делать с его бумагами? Выбро-
сить жалко, отдать в какой-нибудь музей — так я не знаю, в
какой, как именно это делается...

— Узким специалистам Калугин хорошо известен, — поспешила вставить я.

— Ну, разве что узким... — махнула рукой старушка. Она выглядела очень опрятной, чистенькой, и от нее ощутило пахло какими-то старыми духами — то ли «Вечерней Москвой», то ли еще чем-то подобным... Она мне очень нравилась, в ней было то рассудительное спокойствие, которое нынче редко в ком встретишь.

— У вас есть черновик романа «Бледный ангел»? — спросила я.

— Да, сейчас принесу...

Это уже было удачей — поскольку мне в архивах попался сокращенный вариант, какие-то отрывки.

Нина Ивановна притащила кучу бумаг, и я принялась копаться в них. Множество писем, и среди них, кажется, одно (о, несомненная удача, если я не ошибалась!) принадлежало перу Максимилиана Волошина, а другое было посланием Александра Блока. А вот и роман Калугина — стопка пожелтевших страниц текста с дореволюционным правописанием.

— Отлично, — сказала я, с наслаждением перебирая бумаги. Они представляли несомненный интерес. Особенно для меня.

— Я рада, — благодушно кивнула старушка. — Забирайте себе. На здоровье.

— Как?! Вы отдаете мне все это? Вот так, просто...

— Вот так, просто. Мне-то оно зачем? А вам как специалисту очень даже пригодится. У меня пропадет, окажется на свалке рано или поздно, а вы сохраните, найдете применение. Что нужно, отдадите в музей какой-нибудь...

— Спасибо, что вы мне доверяете, — покраснела я.

— Да не за что! — махнула она рукой.